

Добро пожаловать в Сараево!

У лица, по которой мы с Мирзой ехали на его синей «заставе-101», была пустой. Несмотря на действовавшее с февраля перемирие, она, видимо, обстреливалась снайперами. Вдруг позади послышался характерный рев мотоциклетного двигателя. Байк поравнялся с нами, но обгонять не стал.

Мирза сразу заподозрил неладное и сбросил скорость. Теперь я увидел байкеров: молодые парни с аккуратно подстриженными короткими бородами — шлемов на них не было. Они тоже притормозили, и тот, что на пассажирском сиденье, — с длинными темными волосами, собранными в конский хвост, — поднял израильский пистолет-автомат «узи». Тут уже Мирза резко дал по тормозам, и очередь пришлось в стену дома. Мотоцикл вильнул, объезжая обломки кирпича на проезжей части, и байкеру стало не до стрельбы. К счастью, справа открылся переулок, и наша «застава» с визгом шин рванула в спасительный проезд.

Мы мчались по узкой улочке, не заботясь о том, что будет, если на ней или на ближайшем перекрестке появится другой автомобиль. Я оглянулся: мотоцикл

пристроился нам в хвост, однако места для обгона у него не оставалось.

— Байк сзади! — крикнул я Мирзе.

Тот кивнул: он видел его в зеркале.

Улица начала подниматься в гору — и вот что он придумал. Вместо того чтобы перейти на более низкую передачу и сохранить скорость, Мирза внезапно затормозил, а потом резко дал задний ход. Врезаться в багажник нашей машины в планы нападавших не входило. Байк в последний момент примостился в промежутке между двумя большими кучами мусора от разбомбленных зданий. Мирза же проехал еще несколько метров задним ходом. Так наши преследователи оказались спереди, а мы сзади.

Мой водитель и теперь знал, что делать. Он немедленно включил первую скорость и с ревом понесся на зажатый у тротуара мотоцикл. Чтобы избежать столкновения, преследователи, превратившиеся в преследуемых, поспешили выехать на проезжую часть. Сидевшему сзади бандиту уже никак было не приладиться, чтобы дать по нам еще одну очередь. А его подельник стремился лишь избежать наезда. При этом наша «застава» с ревом, достойным мотоцикла, все больше набирала скорость. Байк выровнялся и помчался прочь. Но теперь, когда мы поменялись ролями, Мирза гнался за ним, как бульмастиф, получивший команду «фас».

Улочки в Старом городе Сараево слишком узкие, чтобы можно на них развернуться. Единственным преимуществом нападавших, а теперь бежавших от нас была скорость. Байк с воем стал быстро удаляться, а затем под опасным углом, почти чиркая подножкой по мостовой, свернул на перекрестке. Когда мы выехали

на него, нападавшие были уже далеко, а вскоре и все исчезли.

Мирза остановил машину, и мы прислушались. Вокруг царил тишина. Ни машин, ни прохожих.

— Что это было? — выдохнув, спросил я.

Хотя я-то знал, а мой водитель как раз нет. Громила из автомастерской или его дружки попытались реализовать свою угрозу.

— Это не конец, — с тревогой произнес Мирза. — Они сейчас вернутся.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

НЬЮ-ЙОРК – МОСКВА.

Пятью днями ранее

Вся эта история для меня то как в тумане, то бьет электрическим разрядом между висками. Сказать, что начиналось все мирно-спокойно, тоже было бы неправильно.

Это случилось осенью 1994 года. Ньюйоркцы наслаждались окончанием жары и наступлением бабьего лета. После прогулки с нашим неумным, как будто посидевшим в лужице скипидара, кокер-спаниелем Мистером Куилпом и неспешного завтрака я, как правило, направлялся в офис нашего турагентства на углу 83-й улицы и Лексингтон-авеню.

В тот день на оживленном перекрестке Мэдисон и 85-й улицы, как обычно, продавал жареные каштаны невзрачный чернявый человечек лет пятидесяти. Я знал его как Жака, он ко мне обращался просто на «вы», потому что говорили мы с ним по-французски. Мы здоровались кивками, иногда я получал за доллар кулечек ароматных, горячих каштанов, иногда, обменявшись парой вежливых, ничего не значащих фраз, просто шел дальше. Но изредка, завидев меня, он с улыбкой протягивал наспех заготовленную порцию в коричневой плотной бумаге. И тогда я уже покупал каштаны в обязательном порядке — в глубине рожка лежало зашифрованное послание. Это был мой — а возможно, и еще кого-то — канал связи для обмена короткими

сообщениями с Конторой. Мы действовали по принципу «хочешь что-то спрятать — клади на видное место».

На этот раз, дойдя до нашего офиса, я высыпал каштаны в плоску на нашем чайном столике за ширмой и, воспользовавшись опозданием своей помощницы Элис, тут же сел за расшифровку трех рядов цифр на свернутом в шарик комочке бумаги, брошенном в глубину кулечка. Сообщение из Центра было совсем коротким: «Мама болеет. По возможности приезжай. Э.»

«Мама болеет» не было кодовой фразой — из суеверия я категорически запретил хоть как-то использовать подобные вещи в тайной переписке. Так что мама действительно болела. Я почувствовал, как забилась кровь в висках. Если бы речь шла об обычной простуде, меня бы беспокоить не стали. С другой стороны, будь положение серьезным, мой куратор в Конторе, подписывающий сообщения литерой Э, то есть Эсквайр, не написал бы «по возможности», написал бы «срочно». Да и маме всего-то шестьдесят. Но все равно мир мой вдруг покачнулся, как когда поскользнешься на обледеневшем тротуаре.

Я никогда не верю тем, кто говорит, что ничего не боится. Это неправда: все чего-то бояться.

Меня, например, не пугает риск засветиться, быть арестованным властями какой-либо страны, быть похищенным какими-либо отморозками или агентами враждебной спецслужбы, подвергнуться пыткам, получить длительный тюремный срок, смертельную инъекцию в вену или пулю в голову. Это все — издержки профессии, которую я сознательно выбрал и которая, несмотря ни на что, наполняла мою жизнь интенсивным ощущением, что я живу.

Тем не менее я, как и любой нормальный человек, до холодного пота боюсь, как бы чего не случилось с моей семьей: с Бобби, Джессикой и моей тещей Пэгги, с которой мы очень близки. Но с ними, по крайней мере, я живу рядом и, если что-то не так, всегда смогу прийти на помощь. Разве что — маленькая деталь! — они вдруг узнают, что я на самом деле русский шпион. Тут уже покачнувшийся окружающий мир может и не вернуться в первоначальное положение, и это всегда было одним из моих основных страхов.

А с мамой моей все и проще, и сложнее. С одной стороны, она знала, чем я занимаюсь, и относилась к тем немногим людям, с кем мои отношения не строились, хотя бы частично, на лжи. Еще я жил в уверенности, что она ни в чем не нуждается. Я купил ей небольшой коттедж в совминовском охраняемом поселке под Москвой. Его окружал редкий ухоженный лес, в котором в любое время года приятно прогуляться, неподалеку протекала еще чистая перед заходом в столицу Москва-река. Маме переводили мою немаленькую зарплату в рублях, пару раз в неделю приходила проверенная женщина, чтобы принести продукты и помочь по хозяйству. Для тяжелых работ на участке нанимался садовник, но и сама мама с весны до осени с удовольствием копалась в своих клумбах с пионами, розами, лилейниками и гладиолусами.

С другой стороны, виделись мы с ней — увы! — редко, раз в несколько лет, и, как правило, коротко. А все остальное время я жил в постоянном латентном страхе потерять ее.

Иногда, когда страх усиливался, по нашему тайному каналу связи я срочно запрашивал Москву. И мой заботливый куратор Эсквайр, которого я про себя называю Бородавочник из-за большого количества родинок

на лице, немедленно звонил маме, чтобы убедиться, что с ней все в порядке, и снять мои страхи.

Но сейчас все складывалось еще лучше. К тому времени, как пришла, походкой пантеры в обтягивающей бедра короткой юбке, моя восхитительная помощница Элис, я уже знал, как действовать. Через пару дней я в любом случае собирался лететь в Вену по делам одного нефтяного магната из Техаса (у меня в Нью-Йорке турагентство для VIP-клиентов Departures Unlimited). В сообщении Эсквайра говорилось «по возможности», значит, время у меня было. Но я решил, что полечу прямо сегодня ночью, только после посадки в Вене первым же рейсом отправлюсь в Москву. Разумеется, с российским паспортом на другое имя, какие хранятся на всякий случай в нескольких европейских столицах, Вена как раз в их числе. Мне его привезут в аэропорт с уже оформленным билетом в Москву.

Я отправил Элис в агентство Austrian Airlines со своим паспортом, чтобы поменять рейс. Вроде бы одна важная встреча в Вене была назначена уже на завтрашний день — хотя моя бесценная помощница не задает лишних вопросов. Дождавшись ее звонка с новыми данными рейса, я составил соответствующую просьбу Эсквайру, зашифровал ее на листочке бумаги и, застегнув ветровку, вышел на улицу.

Но маховик в моей голове продолжал вращаться. К счастью, свободно так, нигде его не заедало. И Джессика, и Элис знали о предстоящей поездке в Вену, так что перенос даты подозрений не вызовет. «“По возможности”, — повторил я про себя фразу из сообщения. — Значит, ничего срочного. В любом случае уже завтра поздно вечером, учитывая разницу во времени, я смогу обнять маму и буду в курсе всего».

Меня до сих пор зачаровывает тот факт, что перелеты из Западного полушария в Восточное переносятся гораздо тяжелее, чем наоборот — из Европы в Америку. Мне кажется — но это может быть дилетантское, даже невежественное предположение, — так происходит потому, что Земля, если посмотреть на нее сверху, со стороны Северного полюса, крутится против часовой стрелки. То есть когда вы, например, летите из России в США, вы как бы занимаете место в верхней части земной оси, а планета движется под вами, приближая самолет к цели путешествия. В сущности, если бы такое было возможно, теоретически достаточно было бы подняться на определенную высоту и дожждаться, когда нужный континент окажется под вами. Зато, перемещаясь из Нового Света в Старый, вы совершаете над естественным движением планеты хотя и неизбежное, но явное насилие, что и сбивает ваши биологические часы.

В общем, приземлившись в Вене в начале второго ночи по местному времени после девятичасового полета, я от недосыпа и выпитого находился уже не в лучшей форме. Я летел Austrian Airlines, потому что все другие авиакомпании предлагали пересадку в Лондоне, Франкфурте, Париже или Брюсселе. Но ведь моим статусным клиентам, как тому магнату из Техаса,

разумеется, вряд ли захочется потратить пару-тройку часов на изнуряющую пересадку. И чтобы проверить, не испортился ли сервис в австрийской авиакомпании, летел я, разумеется, первым классом. Хотя, благодаря доскональному знанию моей помощницей Элис всех хитростей бронирования, скидок и акций и в первую очередь в силу давно налаженных тесных отношений с партнерами, для которых я являлся таким же ВИПом, я даже с семьей всегда летал с максимальным комфортом по цене экономкласса.

При этом разницу во времени — плюс шесть часов — комфорт профессионального туриста не компенсировал. К тому же даже при ночных полетах стюардессы, заметив, что вы не спите, тут же предлагают — в качестве снотворного — стаканчик чего-либо вкусного. В тот год я активно дегустировал текилу, а в первом классе неизменно предлагали очень-очень выдержанную «Дон Хулио» — бархатную, душистую, которую даже жалко глотать. В общем, заснуть мне долго не удавалось, возможно, из-за чего не удалось прикрыть глаза и услужливой стюардессе.

В венском аэропорту я вырвался из потока пассажиров, спешащих долго переминаясь с ноги на ногу в зале выдачи багажа, и задержался в транзитной зоне. У меня был только небольшой чемоданчик на колесах, разрешенный для перевозки в салоне. Пока я озираясь, ко мне подошел средних лет мужчина в форменной одежде и, убедившись, что я это я, вручил мне плотный конверт. В нем лежал российский паспорт на привычное для меня имя Максима Ивановича Петровского, а также уже зарегистрированный билет в Москву на рейс, вылетающий через час с небольшим.

— Я могу что-нибудь еще для вас сделать? — спросил человек без имени, но наверняка с массой достоинств.

Он ведь явно относился к особо доверенным лицам — Эсквайр мною очень дорожит. Я, конечно, раздумывал в самолете, что мне делать с американским паспортом. Был вариант оставить его в Вене и снова получить в аэропорту или где-то в городе, когда я вернусь туда по делам техасского миллионера. Однако я все же решил не расставаться с паспортом. Кто знает, куда меня занесет и откуда придется лететь обратно в Нью-Йорк?

— Нет, спасибо. Хорошего дня! — улыбнулся я коллеге.

— Счастливого пути!

Мужчина едва наметил улыбку в ответ и столь же незаметно, как и появился, растворился среди редких пассажиров транзитной зоны.

Как покажет будущее, оставить при себе на всякий случай американский паспорт оказалось с моей стороны верхом неосмотрительности. Более того, эта ошибка чуть не будет стоить мне головы, но должна ведь жизнь чему-то учить. Однако и о последствиях той, не единственной, глупости тоже в свое время.

В самолете «Аэрофлота» — я летел бизнес-классом, — чтобы привести себя в порядок, я сразу попросил кофе. И первая же чашка меня свалила. Что неудивительно: алкоголь меня бодрит, а кофеин спать не мешает. Я проснулся — меня не стали будить на обед, — лишь когда самолет начал снижение и у меня заложило уши. Я и без текилы вернулся в отличную форму.

— Еду нам уже запрещено подавать, но хотите пару круассанов вам разогрею? — мило улыбаясь, спросила славная круглолицая стюардесса.

— О да! Будут в самый раз, — обрадовался я. В последний раз мне удалось перекусить часов десять назад.

В Москве, как и везде, бизнес-класс выпускают из самолета в первую очередь. На трапе — нас высаживали на летном поле — я с наслаждением вдохнул воздух родины с легкими нотками керосина, резины и еще каких-то технических субстанций. В столице России тоже было бабье лето, но недавно прошедший дождь уже принес напоминание о скором наступлении настоящей осени.

У черной «татры» Эсквайра — во времена КГБ руководство ездило на более комфортном, чем «Волга», чешском седане — стоял молодой человек в строгом костюме. Увидев, как я спускаюсь, он в два шага

перехватил меня у трапа. Пока он ставил в багажник мой чемоданчик, водитель успел открыть передо мной заднюю дверь. Все это — лишь с быстрыми рукопожатиями (руку всегда первым протягивал я) и парой банальных фраз типа «Нормально долетели?» — заняло меньше минуты. Другие пассажиры бизнес-класса еще только рассаживались в микроавтобус, а мы уже мчались к выезду с летного поля.

— В Жуковку? — спросил, обернувшись, встречавший меня парень.

— Да.

— Вы не волнуйтесь, там все в порядке. Я разговаривал днем с вашей мамой.

— Сказали ей, что я еду?

Парень замялся.

— Я не знал, как лучше. Знаете, сюрпризы в таком возрасте...

— Я как раз потому и спросил, — успокоил его я. — Вы все правильно сделали.

Маму мою надо знать. Она может сначала фыркнуть, даже если случилось что-то хорошее, а потом расцветет. Или в обратном порядке. Вот и сейчас она крепко обняла меня, расцеловала, а потом отстранилась и сказала строго:

— Кому пришлось в голову тебя срывать? Ты же не с другого конца Москвы едешь.

— Как ты, мам?

— Да всякие дурацкие болячки! Давай не будем о ерунде.

Ну ладно: я же знал, кого расспросить в деталях, что с ней было не так.

— Договорились, — пообещал я.

— Ты надолго?

— На пару дней. Мне же еще по делам придется отъезжать.

Мама снова прижала меня к себе всем телом. Или сама прижалась — как посмотреть. Я поцеловал ее в макушку. Но она вдруг встрепенулась:

— Голодный, наверно! Я приготовила все, что ты любишь.

Я любил то, чего мне всегда не хватало в Америке: вареную картошку с укропом, икраную селедку с нерафинированным душистым подсолнечным маслом и ржаной хлеб. Ну и для чего-то крепкого я уже созрел. Я всегда привожу маме хороший коньяк. Я не особо любитель, но водку и подавно не пью. А мама считала, что когда сердце немного прищемит, чем вызывать скорую помощь, лучше выпить рюмку коньяку — и всё как рукой снимет. Но сейчас она просто смачивала в рюмке верхнюю губу.

Мы проговорили до утра. В основном говорила мама — делилась новостями. Она росла в детском доме, про своих репрессированных близких практически ничего не знала. Но с год назад, когда Эсквайр-Бородавочник позвонил, чтобы узнать, не надо ли чего, мама попросила поискать сведения о ее родителях. Ей привезли их следственные дела, в которых содержались и изъяты при обыске фотоснимки.

Я мало что знал о своих русских бабушке и дедушке — мама по молодости лет не могла их помнить. А тут ей передали и переснятые фотографии семьи моего прадеда — он служил лоцманом на Свири, реке, соединяющей Онежское и Ладожское озеро. Странное ощущение — увидеть этого пришельца из другого века, но из моей жизни. В кресле восседал могучий старец с окладистой бородой, какой мог жить и двести,

и триста, и четыреста лет назад. Разве что одетый по городской моде конца XIX века. Рядом с ним примостилась на стуле его вторая жена, моя прабабушка, которая была лет на двадцать его моложе. За ними стояли их двое старших совместных сыновей в выходных костюмчиках, а в руках у прабабушки запеленатый младенец в чепчике — моя бабушка.

Пораженный, я только помотал головой, но мама поняла, о чем я:

— Да. За какие-то считанные десятилетия поменялось все, что существовало веками.

Тяжело опершись на столешницу, она встала, открыла ящик комода и достала оттуда шкатулку с украшениями.

— Вот что еще оказалось в деле, — сказала она, усаживаясь на старое место напротив меня. — Мне разрешили оставить его себе.

Она протянула мне золотое кольцо. Оно обрамляло очень тонкого письма миниатюру на финифти — столь же золотистую икону Казанской Богоматери. Я знал, что миниатюрные иконы писали и в Палехе, и в Холуе, и в Федоскино — наверное, и сейчас пишут. Но даже если и так, в иконе на том кольце угадывался дух другой эпохи, какой-то флер давно ушедшего времени. Не будучи искусствоведом, я в таких вещах немного разбираюсь. Не зря я много лет вхожу в число друзей Метрополитен-музея и посещаю все их выставки и мероприятия.

— Оно старое, — сказала мама, вторя моим мыслям. — Я даже относила кольцо в Центральный дом художника на экспертизу перед аукционом. Не чтобы продать — мне хотелось знать мнение специалистов. Это ростовская финифть конца XVIII века, Пушкин еще

не родился. Я посчитала — возможно, мой прапрадед подарил это кольцо моей прапрабабушке. А потом его по наследству носила твоя бабушка, пока на нее не обрушились все те несчастья.

— Роскошное кольцо!

— Тебе нравится?

— Просто музейного уровня.

Мама, просяив, закрыла шкатулку:

— Я хочу, чтобы ты взял его себе.

— Мама!

— Я его все равно не ношу — у меня пальцы стали слишком толстыми. А я хочу, чтобы оно осталось в семье.

Я покрутил кольцо в руках.

— А как я объясню, откуда оно у меня?

— Скажешь, что купил в антикварном магазине, куда ты там официально поехал на этот раз. — Мама помолчала, и радостный свет в ее глазах вдруг погас, сменился на сочувственное переживание. — Твоя жена по-прежнему про тебя не знает?

Я покачал головой.

— И ты не можешь ей всё рассказать?

Как? Не только потому, что я, как офицер разведки, давал подписку о неразглашении. Но еще хуже, если бы вскрылось, что вся наша жизнь была построена на лжи, не исключено, могла быть разрушена наша семья. Ото всех этих невозможных решений для произнесения вслух осталось только одно слово:

— Как?

Мама тяжело вздохнула:

— Бедный ты, бедный!

И я уткнулся ей в колени, как делал в детстве, когда в чем-то провинился. А мама прижала к себе мою голову и теперь сама поцеловала в макушку.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

**МОСКВА –
БЕЛГРАД – УЖИЦЕ.
За четыре дня
до покушения**

С раннего утра, предварительно созвонившись, я поехал к своему московскому куратору. Эс-квайр никогда не встречается с нелегалами вроде меня в штаб-квартире СВР, в так называемом Лесу. Из соображений безопасности: мало ли какой действующий или будущий предатель среди офицеров Конторы меня увидит и запомнит.

В Москве мы видимся в старом особняке в районе Кропоткинской улицы, сейчас вроде бы снова Пречистенки. Это двухэтажное, с мансардой, желтое здание начала XIX века с белыми пилястрами и восстановленной лепниной, естественно, без какой-либо таблички. Да она и не нужна — с улицы заходят в особняк редко. Большинство работающих в нем сотрудников и посетителей въезжают непосредственно во двор через железные ворота в высокой глухой стене, похоже, недавней постройки. Они распахнулись, едва мы стали к ним приближаться — весь переулок явно просматривался камерами.

Бородавочник послал за мной в Жуковку черную «Волгу» с заранее задернутыми кремовыми занавесочками слева и справа от заднего сиденья, где я расположился. Водитель за все время пути не произнес ни слова — так, видимо, его проинструктировали. Молчал и я, вглядываясь во все новые приметы времени через

ловое стекло. Меня не было три года, но людей, торгующих чем попало вдоль тротуаров, меньше не стало. Зато все чаще уверенно, тесня «москвичи» и «жигули», рассекали уличный поток «мерседесы», «БМВ» и «ауди».

В приемной своего куратора я приосанился, как перед дверью начальника факультета в Военном институте иностранных языков. Однако при моем появлении Бородавочник тут же встал и, подойдя, тепло обнял.

— Я уже пожалел, что сорвал тебя из-за мамы, — сказал он, проводя меня к дивану, перед которым стоял журнальный столик с орешками, сухофруктами и прочими лакомствами. — Погодить бы мне пару дней, жил бы ты там спокойно. Чаю?

— Спасибо, с удовольствием.

— Черного или зеленого?

А вот это уже было приметой перемен: даже в мой последний приезд в Москву подобный вопрос бы не возник.

— Да мне все равно.

Что я, сюда чаевничать пришел?

— Тогда зеленый. Врачи говорят, он полезнее.

— Отлично.

Пока неслышно перемещавшаяся по начищенному паркету так называемая хозяйка принесла уже заваренный чай, я углубился в скрепленные две странички, которые Эсквайр достал из прозрачной папки. Это был выписной эпикриз мамы после небольшой полостной операции. У нее действительно все уже пришло в норму.

Бородавочник не преминул воспользоваться моим присутствием, чтобы провести со мной очередной сеанс разъяснительной работы. Он помнил мое замешательство после распада СССР. Да наверняка многие

нелегалы испытывали такую же растерянность. Мы все, сотрудники разведки, работающие за рубежом под чужими именами, давали присягу одной стране, но вот ее не стало. А то, что пришло ей на смену, в мой первый приезд в 1992 году привело меня в оторопь.

И вот сейчас мой куратор снова ловко вывел разговор на болезненную тему:

— Ну представь себе, что мы с тобой строили железную дорогу через тайгу где-то в Сибири. Да, государство распалось, везде возникла неразбериха. И в политике, и в экономике, и в мозгах у людей. И что, мы должны все бросить, пусть все бурьяном зарастет? Но мы же не для партии дорогу строили, для страны. Она-то ведь никуда не денется.

Я не стал уточнять, что раньше эта железная дорога, или завод, или нефтяное месторождение были народным достоянием, а сейчас стали частной собственностью узкого круга людей. Но что, Эсквайр не в курсе? Он-то все это еще лучше понимает.

Я попробовал остановить своего шефа:

— Виктор Михайлович, я прекрасно помню наш первый разговор. Мы в разведке работаем в интересах вечной России, ее суверенитета, неделимости и неприкосновенности границ. А смута у нас в стране не первая.

— Собственно, это я и хотел от тебя услышать. Что ты с этим согласен, — был рад закрыть тему Бородавочник.

— А какой у нас выбор?

Мы уже выпили вторую чашку чаю, и, собственно, разговор иссяк.

— Не буду вас задерживать, Виктор Михайлович, — закруглил визит я, готовясь встать. — Я хотел еще Некрасова навестить.

И тут неизменно демонстрирующий уверенность Эс-квайр как-то замялся. Я удивленно посмотрел на него.

— Дык, э-э, это... Петра Ильича нет в Москве.

— А где он, если не секрет?

— Его от нас уже год как откомандировали в миротворческий контингент ООН в Югославии. В отставку-то он категорически отказался уходить.

Я прикинул: моему главному учителю по жизни было за семьдесят, но не больше семидесяти пяти.

— Ну вот, — расстроился я. Но тут же настроил себя на оптимистический лад. — И как он там?

А сейчас Бородавочник еще больше стал мямлить и почесывать покрытый остатками растительности череп.

— Тут такое дело, Пако. Врать тебе не буду. Неделью назад он поехал с коллегой из Загреба через Белград в Сараево. То есть из Хорватии в Боснию, как ты наверняка знаешь. И... и пропал.

— Как пропал?

— Как пропал? Пропал, — сокрушенно пожал плечами мой начальник. — Они выехали на ооновском вседорожнике, бронированном, честь по чести. Там ехать-то полдня по асфальтированной трассе. Проехали Сербию, и больше их никто не видел. Да ты не волнуйся, его ищут.

Вот черт! Я, разумеется, знал из новостей, что в Боснии уже третий год идет война. Но когда в серьезный переплет попал кто-то из твоих близких, это все меняет.

— И что? Никаких следов?

Эсквайр снова приобнял меня, провожая к двери. У меня закралось подозрение, что делал он так не потому, что при его занятости и без того уже потратил на меня кучу своего времени. Он спешил закончить

разговор, в котором его изощренный и пронизательный ум усматривал некую опасность.

— Пако, там хаос. В двух словах, правительство Югославии боснийских сербов формально и фактически не поддерживает. И они сами по себе воюют с боснийцами-мусульманами. А те сцепились еще и с хорватами. Моджахеды туда понаехали с Ближнего Востока. В деревнях и городах свои дома и семьи охраняют местные ополченцы, на дорогах всякие бандиты промышляют. Конечно, люди из УНПРОФОР — международные силы так называются — мобилизовались по поводу исчезновения Некрасова. И хотя это для них первый подобный инцидент — на миротворцев, как правило, не нападает ни одна из сторон конфликта, — пока даже неизвестно, в каком именно месте они пропали. Записи на блокпостах не ведутся. У гражданских-то хоть документы проверяют, а миротворцы просто проезжают.

— Ну а мы-то что делаем? Вы конкретно? — не сдержался я, забыв о чинопочитании.

Эсквайр не стал осаживать зарвавшегося подчиненного — знал, кем для меня был Некрасов. И сожалел, что сказал лишнего.

— Хотим послать кого-нибудь в Белград в помощь резидентуре. — Глядя на меня, он заторопился еще больше. — Пако, поверь, у нас достаточно специально обученных людей. Это не твоя забота.

Я скинул его мягкую, но подталкивающую к двери руку со своего плеча.

— Виктор Михайлович, при всем уважении! Это как раз моя забота.

Исчерпав доводы, Бородавочник наконец решил напомнить мне, что он — мой начальник, а не просто старший товарищ. Его верхняя губа, на которой

как будто постоянно прилеплен кусочек говна — такое у него обычное выражение лица, — предательски потянулась еще ближе к ноздрям.

— Пако, я ведь могу и запретить.

Теперь и мой взгляд стал тверже.

— Виктор Михайлович, а я ведь ученик не только Некрасова, но и ваш тоже. Вы своих не бросаете и меня, случись что, не бросите. А у кого из ваших сотрудников будет сильнее мотивация найти Петра Ильича? Этому же вы меня учили: мотивация часто важнее опыта.

Я думал, что здесь уж моему куратору крыть нечем. Но не таков был матерый манипулятор, чтобы сразу сдаться.

— Пако, знаешь, я генерала Некрасова всегда ценил и, можно сказать, любил. Но я не могу тобой рисковать, — заупрямился он. — Сколько у меня удачно внедренных в Штатах агентов? По пальцам одной руки можно пересчитать.

Я молчал, но внутри у меня все кипело. Эсквайр вновь приобнял меня за плечо.

— Ты, брат, разгорячился. А ведь я же тебя учил еще действовать на холодную голову, оценивать все риски.

— И что, мне забыть, что мой друг и наставник пропал? — вырвалось у меня. В свои тридцать семь лет — я это осознавал в минуты просветления — я иногда становился гордым и самоуверенным мальчишкой.

— К тому же, Пако, неизвестно, как надолго тебе пришлось бы застрять в Югославии, — потянул за правильную струну мой начальник.

Действительно, даже если все пройдет нормально, мне же придется как-то объяснять задержку своей жене. Таков был ход его подспудной мысли.

— Ваша взяла, — примирительно произнес я, как бы подводя черту.

Бородавочник приосанился, но зря: я не закончил.

— Дайте мне только возможность просто проехать по тому же маршруту. Не из Загреба, из Белграда. Туда и обратно. Пара дней, ну три.

— Пако! — без прежней убежденности все же попытался урезонить меня Эсквайр.

— Виктор Михайлович, мы же с вами друг другу не врем, — воззвал я к его лучшим чувствам. — Вы честно сообщили мне про исчезновение Петра Ильича. Вы хотите, чтобы я сказал, что возвращаюсь в Нью-Йорк, а сам полетел в Белград? Без каких-либо тылов?

— Ну-у, — протянул Эсквайр.

Почувствовав слабинку, я попытался закрепить успех. И улыбка, даже немного деланая, в данных обстоятельствах показалась мне весьма уместной. Хотя в действительности вопрос заключался в том, что не я один был ценным кадром СВР. А уж Некрасову-то я по значимости и до колена не доходил.

Эсквайр выпустил меня из своей выпроваживающей из кабинета клешни и принялся ходить взад-вперед по кабинету. Судя по пыхтению, решение, которое он собирался предложить, давалось ему с большим трудом.

— Давай договоримся следующим образом, — тяжело вздохнув, безапелляционным тоном заявил Эсквайр. — Ты поедешь в Боснию с кем-нибудь из белградской резидентуры. Даже если тот человек твоими аналитическими способностями, скорее всего, не обладает, он знает Югославию и в критической ситуации тебя не бросит. Но максимум через три дня — обнаружишь ты что-либо или нет — ты возвращаешься